

А. Л. Дмитриев¹

канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ИДЕИ И ТРУДЫ А. К. ШТОРХА В РОССИИ

Светлой памяти
Сергея Михайловича
Виноградова (1956—2011)
посвящается

Введение

Имя Андрея (Генриха) Карловича Шторха (1766—1835) — первого российского экономиста, академика Петербургской АН — хорошо известно историкам экономической мысли и в России, и за рубежом². Его политико-экономические взгляды рассматривались и анализировались в работах многих исследователей, прежде всего в Германии. Немцы по праву могут считать А. К. Шторха одним из первых немецких представителей классической школы политической экономии. Отметим, что исследование творчества Шторха нашло свое отражение прежде всего в фундаментальном труде К. Рентрупа (Rentrup, 1989), а также в работах Р. Макгрея (McGrew, 1976), Й. Шумана (Schumann, 1997), Й. Цвайнерта (Цвайнерт, 2007). В Германии научное наследие Шторха, пожалуй, изучено не хуже, чем А. Смита или К. Маркса. Поэтому нет необходимости еще раз останавливаться на основных политико-экономических идеях Шторха, ставших уже хрестоматийными. Между тем остается малоисследованным вопрос о влиянии взглядов Шторха на российскую экономическую мысль³. Поэтому нашей задачей будет рассмотрение работ российских ученых, в которых используются или анализируются работы Шторха. Кроме того, обращая основное внимание на работы Шторха по политической экономии, прежде всего на его «Cours», исследователи почти не рассматривают его сочинения по статистике России, имеющие большое значение.

Идеи Шторха в работах российских экономистов первой половины XIX столетия

Автор одного из первых русских учебников по политической экономии Тихон Федорович Степанов (1795—1847), разделявший идеи А. Смита, писал, ссылаясь на «Cours» Шторха, что все капиталы делятся на физические и нравственные: «капиталы нравственные также могут быть разделены на постоянные

¹ Эл. адрес: dmitr7171@mail.ru

² О влиянии теории капитала Шторха на экономические доктрины отечественных и зарубежных ученых см.: (Дмитриев, Хованов, 206; Дмитриев, Мисько, Хованов, 2010).

³ Нам известна только одна небольшая работа (Плаголев, 1993). На нее оказала большое влияние монография И. Г. Блюмина (Блюмин, 1940).

и обращающиеся (т. е. переменные. — А. Д.). Первые составляют учебные заведения, сочинения, присутственные места, наставления, законы, воинская дисциплина, пушки, оружие и т. д. Вторые капиталы заключают самое преподавание наук, бумагу, чернила, делопроизводство, вещи...» (Степанов, 1844, с. 300).

Идеи Шторха в первой половине XIX столетия нашли свое отражение в исследованиях по политической экономии российских ученых. В этот период вышло небольшое число работ по политической экономии, если сравнивать с такими странами, как Германия, Англия или Франция. Среди отечественных курсов следует, прежде всего, назвать трехтомную работу Александра Ивановича Бутовского (1814—1890) «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» (1847) и двухтомную работу Ивана Яковлевича Горлова (1814—1890) «Начала политической экономии» (1859, 1862), которая на протяжении нескольких десятилетий была основным учебником по политической экономии в высших учебных заведениях.

В главе «О богатстве вообще» Бутовский, хорошо знакомый с последними зарубежными работами в области политической экономии, о чем свидетельствуют многочисленные сноски, отмечал: «Шторх прежде других экономистов хорошо постановил аналогию между благами внешними и внутренними, а в последующее время Дюнойе подкрепил эту аналогию в работе “De la liberté du travail”» (Бутовский, 1847, т. 1, с. 9).

В главе «О потреблении вообще» Бутовский, выясняя природу цены, писал: «Рыночная цена есть выражение той меновой ценности, которую имеют произведения для частных производителей. В отношении к обществу все они должны рассматриваться как ценности потребительные. Частное лицо продает, народ же сам потребляет свои произведения; даже те продукты, которые изготовляются для международной мены, можно принять за первообразный материал, путем внешней торговли превращаемый в иностранные продукты. Так мы можем повторить вместе со Шторхом, экономистом, хорошо разобравшим этот отвлеченный вопрос, что продукт народа не соразмеряется, подобно продуктам его членов, с рыночной ценой произведений, входящих в его состав, а с их разнообразием, равно как и с качеством и количеством каждого рода произведений» (Бутовский, 1847, т. 3, с. 10).

Ниже Бутовский отмечал, что А. Смит опровергнул систему физиократов, неоспоримо доказав, что мануфактура и торговля создают множество полезностей *sui generis*, преобразуя сырые продукты. «Но сам он думал, что промыслы, занимающиеся производством благ невещественных, ничего не прибавляют нового к богатству народному и что частные доходы, которым они служат поводом, проистекают из чужих доходов. Шторх первый заметил эту ошибку Смита, и, объяснив аналогию между произведениями вещественными и невещественными, доказал, что последние также должны рассматриваться как богатство народное и что доставляемый ими чистый доход есть коренной и посему должен входить в состав чистого продукта народного» (Бутовский, 1847, т. 3, с. 12).

Ссылки на Шторха у Бутовского можно найти и в главе «О монете» в связи с бумажными деньгами (Бутовский, 1847, т. 2, с. 195—196).

И. Я. Горлов ссылается на Шторха гораздо реже, чем Бутовский. В разделе «Экономическое состояние народа» он писал: «Шторх весьма справедливо смотрел на кредитные отношения, как на очень важный указатель сравнительного богатства народов, и с этой точки зрения разделил их на займодателей и должников» (Горлов, 1859, с. 9). В другом месте Горлов замечает, что Шторх не решился представить новую классификацию промышленности (заводская, сельская, торговля), хотя и чувствовал настоятельную потребность в ней (Там же, с. 42).

Таким образом, даже два вышеприведенных примера служат хорошим доказательством того, что основные политико-экономические идеи Шторха были знакомы российским экономистам и пропагандировались, иногда критически, в отечественных сочинениях по политической экономии.

И. В. Вернадский как пропагандист идей А. К. Шторха и его последователи

Пожалуй, самым видным пропагандистом и популяризатором идей Шторха в России был Иван Васильевич Вернадский (1821—1884), один из родоначальников специфического направления, получившего название киевской школы в русской экономической мысли, издатель и редактор журналов «Экономический указатель» (1857—1864) и «Экономист» (1858—1864). В 1858 г. Вернадский опубликовал одно из первых в России сочинений, посвященных истории мировой экономической мысли, — «Очерки истории политической экономии». В этой очень подробной работе он классифицировал ученых по направлениям, специально разработанным им. Шторх был отнесен Вернадским к представителям «эклектического (отрицательного) направления» и был назван его главным представителем. Кроме того, сюда были отнесены К. Ганиль, М. Джиойа, А. Росси, И. Лоц, Л. Штейн и др. Давая характеристику этого направления, Вернадский указывал, что его представители наименее увлекались А. Смитом и старались составлять теоретические положения и выводы из разных данных, «получаемых от разных школ, а равно из действительности» (Вернадский, 1858(б), с. 147). Далее Вернадский приводил мнение некоторых зарубежных экономистов о курсе политической экономии Шторха: по мнению Маккуллоха, это лучшее произведение на континенте по политической экономии; по мнению А. Бланки, Шторх заслуживает быть назван основателем отдельной школы (Там же, с. 169). По мнению Вернадского, «Шторх отличается высокой добросовестностью, умеренностью, огромной ученостью и беспристрастием, с которым он, не увлекаясь духом партии, почерпает доказательные положения даже из противоположных систем. Одаренный значительной наблюдательностью, он представил множество частных фактов, важных в науке. В особенности замечательна Шторхова оценка невольничества и принужденного труда и его экономического значения» (Там же, с. 170). Вернадский считал, что «его начала и доказательства» почти не отличаются от доказательств А. Смита и Ж.-Б. Сэя, у которых Шторх заимствовал много цитат, однако «он во многих случаях становится выше их и своих современников, как, например, в вопросе невещественного производства» (Там же). Особо ценно, по Вернадскому, то, что Шторх пытался доказать аналогию между «производством материальным и производительностью невещественной», которая позже была развита К. Дюнуайе. «Заслуга Шторха, — констатирует Вернадский, — в этом отношении бесспорно велика, тем более что почти ничего не было приготовлено по этому предмету его предшественниками: в его теории цивилизации... все ново и с пользою может быть изучаемо даже в настоящее время» (Там же). Вернадский трактует это как «расширение науки», весьма важное для оценки ее начал. Только после такой характеристики автора Вернадский кратко излагает основные тезисы учения Шторха. Вернадский считал, что Шторха можно считать предшественником Д. Рикардо в области теории ренты, поскольку он дал совершенно оригинальную теорию.

В заключение Вернадский отмечает, что для нас изложение Шторха важно в особенности приводимыми им многими статистическими данными о России, которые «значительно объяснили некоторые вопросы знания и могут служить с пользою нашей государственной жизни» (Там же, с. 172).

В другой работе — «Перспектив политической экономии», изданной также в 1858 г., — Вернадский указывает, что теория материального труда лучше всего проработана у А. Смита и его ближайших последователей — Ж.-Б. Сэя, Д. Рикардо, Г. Шторха, Т. Мальтуса, К. Рау, П. Росси и др. Он выделяет в школе А. Смита три отдельных направления: абстрактное, либеральное и эклектическое. И так же как и в рассмотренной выше работе, к эклектическому направлению причисляет Шторха. «Смит различает четыре ряда вещей по отношению запроса на них к их производству. (Это учение принято и доведено до крайних результатов Шторхом)», — констатировал Вернадский (Вернадский, 1858(а), с. 32).

Вернадский весьма благосклонно относился к Шторху¹, пропагандировал его идеи и приоритеты. Свидетельством этому может служить попытка издания на русском языке «Курса» Шторха, начатая в 1881 г. и незаконченная. Был издан только первый том, включивший «Вступительную лекцию», «Общие понятия о начале и свойстве ценности», и три первые книги — «О производстве богатств», «О накоплении богатств, или Об имуществвах», «О первоначальном распределении годового произведения, или О доходах». К каждой книге русского издания Вернадский делал заметки, в которых обобщал и подытоживал основные идеи Шторха. По просьбе Вернадского сын А. К. Шторха — Н. А. Шторх, к русскому изданию написал подробный «Биографический очерк ученой и служебной деятельности Андрея Карловича Шторха», который был помещен в начале книги. В этом очерке, помимо общеизвестных биографических данных, содержится оценка личных качеств Шторха, небезынтесная современному читателю и дающая возможность представить Шторха как человека, тем более что в литературе сохранилось совсем немного воспоминаний о нем [см., напр., впечатление о Шторхе Н. М. Карамзина (Погодин, 1866, с. 147—148)].

Как было отмечено выше, Вернадского по праву считают основателем киевской школы в русской экономической мысли². Основной характерной чертой этого направления было неприятие идей марксизма и активное восприятие как нарождавшегося маржинализма, так и идей неоклассического направления. Поэтому идеи Шторха о нематериальных (невещественных) благах были столь близки Вернадскому.

Ссылки на Шторха можно обнаружить и в работе «Основания политической экономии» экономиста и крупного государственного деятеля Николая Христиановича Бунге (1823—1895) — представителя киевской школы и ученика Вернадского (Бунге, 1870, с. 9).

Однако наиболее детальное рассмотрение основных политико-экономических идей Шторха принадлежит профессору Киевского университета Афиногену Яковлевичу Антоновичу (1848—1917). В своей работе «Курс политической экономии» (1886) он очень подробно разбирает учение Шторха о ценности. Антонович отмечал, что «Шторх делает попытку вполне самостоятельного включения в сферу экономических исследований законов невещественной деятельности. Политическая экономия, говорит он, имеет своим предметом изучение тех естественных законов, от которых зависит благосостояние человеческого рода. Он указывает, каким образом человек, живя в обществе, может удовлетворять свои потребности, как физические, так и нравственные, как природные, так и приобретенные, указывает, при каких условиях развиваются богатство, искусство, образование... одним словом, наука эта изучает тот естественный механизм, которым обуславливается целесообразность человеческой

¹ Об этом пишет и А. В. Аникин, отмечая, что Шторх был «любимцем» Вернадского (Аникин, 1990, с. 240).

² О методологии киевской школы см., в частности: (Seraphim, 1925, S. 38—47; Цвайнерт, 2007, с. 150—153).

деятельности. Она разделяется на две самостоятельные части: на теорию народного богатства и теорию цивилизации... Таким образом, Шторх совершенно по иным основаниям, нежели Ж.-Б. Сэй, включает в сферу политико-экономических исследований невещественную деятельность. Сэй отождествляет эту деятельность с вещественной, включая ее в сферу экономических исследований единственно потому, что она приносит доход, подобно труду, направленному к производству вещественных продуктов» (Антонович, 1886, с. 9). Антонович явно занимает в этом вопросе позицию Шторха и высказывается за расширительную трактовку сферы исследований политической экономии.

Большое место в работе Антоновича уделяется рассмотрению различных теорий ценности зарубежных экономистов, в частности учения Шторха о ценности (Там же, с. 333—342). Это, пожалуй, после Вернадского одно из самых подробных исследований данного вопроса. Антонович не дает критики построений Шторха, а лишь подчеркивает оригинальность автора.

Один из первых научных пропагандистов марксизма в России Николай Иванович Зибер (1844—1888) в работе «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», вышедшей в 1885 г., рассматривая различные трактовки ценности и полезности, цитирует «Cours» Шторха, замечая, что он «не дает ценности никакого определения, а только пытается выяснить условия, при которых возникает ценность» (Зибер, 1959, с. 40). Здесь определение Шторха приводится наряду с другими лишь для того, чтобы показать историю вопроса.

Ссылки на Шторха можно обнаружить и в работе Владимира Яковлевича Железнова (1869—1933) «Очерки политической экономии» (1907), представляющей собой популярные лекции и изданной в серии «Библиотека для самообразования». В лекции, посвященной учению об обмене, Железнов, классифицируя теории ценности, указывает на группу экономистов, которые попытались положить в основу объяснения ценности полезность блага — вывести объективную ценность из субъективной. «Из новейших экономистов первым ученым, наметившим в общих чертах эту теорию, был Шторх» (Железнов, 1907, с. 294).

В 1927 г. на немецком языке вышла статья Железнова «Россия», посвященная основным течениям российской экономической мысли более чем за 100-летний период. В статье, характеризующая российскую экономическую мысль в начале XIX в., Железнов писал, что самым крупным теоретиком этого времени был профессор Генрих Шторх, а далее он фактически повторил свое суждение о Шторхе, опубликованное в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат», указав, что во многом благодаря его работам в российской экономической науке возникла устойчивая академическая традиция (Gelesnoff, 1927, s. 151).

В. Я. Железнов был автором статьи о Шторхе в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат», увидевшем свет уже в советское время. Железнов, характеризующая методологические позиции Шторха, писал: «Шторх был близок к Сэю, но расходился с ним в самом понимании нематериальных благ. Сэй отождествлял нематериальный труд с его результатом, называл то и другое одинаково «услугами». Шторх же настаивал на необходимости отграничения самого нематериального труда от его результата. Шторх заходил при этом слишком далеко. Он включал в круг предметов исследования политической экономии здоровье, безопасность, религию и т. п., считая их ценностными результатами нематериального труда» (Железнов, 1932, стлб. 466). Тем не менее Железнов отказывал Шторху в особых новациях в политической экономии: «В теории распределения Шторх следовал в общем Смиту, причем заимствовал и у Сэя выделение в особую рубрику предпринимательского дохода», а в теории ренты — приближался к учению Д. Рикардо (Там же, стлб. 467).

А. К. Шторх в советских работах по истории экономической мысли

Сразу отметим: в советское время взгляды Шторха в основном рассматривались в историко-экономических исследованиях. Связано это было с построением курсов политической экономии на марксистской основе, что практически исключало изложение иных, немарксистских, теорий.

Память о Шторхе в СССР сохранялась во многом благодаря тому, что его имя неоднократно встречается в первом и третьем томах «Капитала» К. Маркса и особенно много внимания ему уделяется в его «Теориях прибавочной стоимости» (четвертый том).

Историк экономической и статистической мысли в России Владимир Владимирович Святловский (1869—1927) в «Истории экономических идей в России» (1923) не обошел вниманием фигуру Шторха. Отметим, что работа Святловского написана в популярной форме и была предназначена, скорее всего, в качестве учебного пособия. В главе, посвященной классической школе (смитианству), Святловский указывает, что «наряду со Х. Шлецером и Гереншвондом, под сильным влиянием Смита находится и Шторх, видный смитианец фритредерского толка и крупный авторитет в высших сферах» (Святловский, 1923, с. 128). При этом Святловский подчеркивал, что Шторх к этому времени «еще не дал ничего законченного, почему он и относится к числу экономистов более позднего периода» (Там же). В другой главе, посвященной славянофильству (!), Святловский, классифицируя экономистов этого направления и выделяя группу «историков», писал: «Существенное исключение из общей массы составлял один только Шторх, историк и экономист начала XIX столетия. Ему принадлежит та замечательная гипотеза, доказательства которой ежегодно умножаются, что вся политическая русская эволюция покоится на экономическом базисе строго определенного характера, а именно на *торговле*. Торговля, по мнению Шторха, была для России тою основною движущею силою, которая создала культуру, и города, и самое русское государство» (Там же, с. 177). В этом месте Святловский ссылается на авторитет историка П. Н. Милюкова (1859—1943) и его работу «Главные течения русской исторической мысли» (1898), в которой анализировались причины развития торговли Древней Руси. Милюков, показывая различие в подходах Х. Шлецера и Шторха по этому вопросу, придерживался позиции последнего, заявив, что «теория Шторха, получившая в наши дни блестящее развитие и обставленная остроумною аргументацией, естественно, должна вызвать противоречие Шлецера» (Милюков, 1898, с. 142).

Как отмечал Святловский, Шторх признавал, что промышленное развитие славяно-литовских племен было слишком ничтожно для создания активной торговли в их среде. «Шторх вообще является в ту эпоху только приятным исключением. К тому же общий ход развития мешал русским усвоить эти взгляды» (Святловский, 1923, с. 178).

Отметим, что в работе Святловского уделяется гораздо меньшее внимание развитию экономической науки в России по сравнению с историей экономической политики, через призму которой рассматривается и Шторх.

Виктор Морицевич Штейн (1890—1964) — крупный ученый в области истории экономической мысли, экономической географии Азии и экономики Китая — обратился к творчеству Шторха, выпустив в 1924 г. работу «Развитие экономической мысли» (т. 1 «Физиократы и классики»). В главе «Экономический прогресс и накопление нематериального богатства» Штейн сравнивает учения Ж.-Б. Сэя и Шторха. (Отметим, что в отличие от книги В. М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков», изданной в 1948 г., эта работа свободна от марксистских установок.) Штейн показал,

как происходила полемика между Шторхом и Сэем, превратившаяся в ссору между ними на почве взаимных обвинений в плагиате. «Между тем, — замечает Штейн, — желание Сэя умалить авторитет Шторха отнюдь не согласовывалось с действительным положением вещей, так как, наряду с позаимствованиями, объемистый курс Шторха содержал ряд многих самостоятельных построений. Что современники далеко не были на стороне Сэя, показывает хотя бы отзыв о курсе Шторха друга Рикардо и наследника рикардианских традиций Мак-Куллоха» (Штейн, 1924, с. 142). Характеризуя теорию цивилизации Шторха, Штейн называл ее стройной и научной, «дающей всестороннее объяснение зарождения, проявления и исчезновения в человеке... “внутренних благ” (*biens internes*), являющихся одним из видов накопления чистого дохода» (Там же, с. 151).

В первом издании «Большой советской энциклопедии» (1933) в анонимной статье, посвященной Шторху, указывалось, что «Cours» считался лучшим учебником по политической экономии первой половины XIX в., но «теоретические взгляды Шторха особой оригинальности не представляют и в основном повторяют работы А. Смита» (Шторх Андрей Карлович, 1933, стлб. 701). При этом говорится, что, критикуя работы А. Смита, Шторх выдвинул учение о вещественных и невещественных благах. Такая оценка Шторха вполне объяснима и характерна для советского периода.

В советское время наиболее подробное изучение политико-экономических работ Шторха принадлежит историку экономической мысли Израилю Григорьевичу Блюмину (1897—1959). В работе «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в.» (1940) Шторху посвящена целая глава. Блюмин отмечает, что «Шторх является, несомненно, одним из виднейших русских экономистов начала XIX в. Но его влияние в России было далеко не пропорционально его удельному весу в политической экономии той эпохи». Это обстоятельство, по мнению Блюмина, связано с тем, что «Шторх стоял в стороне от широкого общественного движения. Он не был связан с университетским преподаванием и не имел, таким образом, возможности непосредственно влиять на учащуюся молодежь» (Блюмин, 1940, с. 173).

Блюмин критикует В. Рошера, причислявшего Шторха к представителям «немецко-русской школы политической экономии», и его ученика Ю. Каутца, а также О. Шпанна, проводивших эту идею в своих работах. «Тут весьма откровенно, — замечает Блюмин, — проявляется тенденция немецких экономистов причислить всех сколько-нибудь выдающихся экономистов к представителям немецких направлений» (Там же, с. 173). Он уделяет много внимания рассмотрению взглядов Шторха на государственное устройство России и его политическим воззрениям: «По своим взглядам на крепостное право Шторх стоял весьма близко к правому крылу декабристов (например, к Н. Тургеневу). Но как глубоко отлична судьба Шторха от судьбы декабристов... Либерализм Шторха значительно отличается от либерализма его дворянских современников. У последних экономический либерализм сплетался с политическим либерализмом... Шторх не был способен принять участие в противоправительственном заговоре. Он был лояльнейшим верноподданническим монархистом» (Там же, с. 174). Однако эти рассуждения Блюмина представляют в наше время мало интересного, поскольку на них лежит печать советской пропаганды.

В параграфе, посвященном эволюции взглядов Шторха, Блюмин утверждает, что в работе «Historisch-Statistisches Gemälde» он выступает как умеренный протекционист, а его аргументация напоминает ту, которую через несколько десятков лет развивали Ф. Лист и другие немецкие индустриалисты. В своем курсе политической экономии Шторх, по Блюмину, становится целиком и полностью на точку зрения фритредерства, отвечающего интересам значительной части

русского дворянства: «Шторх выдвигает учение о трех стадиях исторического развития, для того, чтобы дать новое обоснование необходимости развития России преимущественно по аграрному пути и проведения последовательной фри-тредерской политики» (Там же, с. 178). В своей работе «*Considérations sur la nature du revenu national*» Шторх, по Блюмину, «совершает весьма серьезное теоретическое грехопадение», поскольку он «подает руку» идеологам земледельческого класса à la Мальтус, отстаивающих производительный характер для всего народного хозяйства непроизводительного потребления.

Большой параграф в работе Блюмина занимает анализ теории ценности и цивилизации Шторха. Блюмин пишет: «Очень часто в литературе высказывается мнение, что Шторх был смитианцем. Это — неверно. Шторх отстает от Смита в целом ряде кардинальных вопросов, например, в вопросе стоимости, накопления и потребления, производительного труда и т. д. Верно лишь то, что Шторх очень много заимствовал у Смита» (Там же, с. 181). Блюмин считал, что Шторх заимствовал у Смита его вульгарное (экзотерическое) учение о прибыли и ренте и отбросил теорию трудовой ценности, заменив ее теорией предельной полезности. Теория же цивилизации Шторха является «наиболее далеко идущей оппозицией смитовскому учению о производительном труде» (Там же, с. 184).

Своеобразие Шторха, по Блюмину, состоит в том, что он в отличие от других экономистов занимался преимущественно рассмотрением не столько нематериальных услуг, сколько внутренних благ, под которыми понимал все нематериальные продукты природы и человеческого труда. Критика теории цивилизации носит у Блюмина глубоко идеологический характер.

Оценивая учение о нематериальном капитале Шторха, Блюмин считал, что оно получило очень широкое распространение в русской экономической литературе. При этом Блюмин ссылается на курсы Т. Степанова, А. Бутовского и И. Горлова. В заключение Блюмин выделяет четыре основных пункта в экономических построениях Шторха: 1) объяснение ценности товаров на основе их полезности; 2) выпячивание необходимости включать в политическую экономию учение о внутренних благах; 3) объявление важнейшим «внутренним благом» безопасности; 4) детальная и развернутая критика крепостного права (Там же, с. 193).

Безусловно, Блюмин готовил свою работу в очень тяжелый период для отечественной науки и был вынужден делать постоянные ссылки на авторитет К. Маркса и критиковать Шторха¹.

Блюмин обращал внимание на то обстоятельство, что Маркс, критикуя Шторха, делает это в значительно более мягкой форме, чем в критике Сэя, Мальтуса и др. По Блюмину, «Маркс не считал Шторха значительным экономистом, сделавшим открытие в политической экономии, но вместе с тем он оценивает Шторха как наиболее выдающегося из вульгарных экономистов» (Там же, с. 194).

К рассмотрению научных идей Шторха В. М. Штейн вернулся через двадцать лет в своей работе «Очерки развития русской экономической мысли XIX—XX вв.» (1948). Штейн специально выделяет вопрос об иностранном влиянии на рос-

¹ А. В. Аникин, который был знаком с И. Г. Блюминым лично, позднее вспоминал, что обвинения в адрес Блюмина в начале 1930-х гг. не прошли для него даром: «В Институте экономики Академии наук, где работал в эти годы Блюмин, ему было запрещено заниматься любимым делом. Его отстранили, отставили от науки, признанным знатоком которой он был. Сначала Блюмина посадили на конкретную советскую экономику. Это было время первой пятилетки, и всю работу надо было подчинить ей. Результатом этой принудилки стала его книга о комбинатах в советской промышленности, о которой мне трудно сказать что-либо определенное. Зато я пристально изучал следующую его книгу — о русской экономической мысли первой половины XIX в. Такую работу Блюмин просто не мог сделать плохо, и она, безусловно, превосходит соответствующие разделы официальной “Истории русской экономической мысли”...» (Аникин, 1995, с. 53—54).

сийскую экономическую мысль. Критикуя утверждение В. Рошера о том, что существует немецко-русская школа политической экономии и наиболее крупными ее представителями были А. К. Шторх и Е. Ф. Канкрин, Штейн утверждал, что «рошеровская “концепция” явно изображает действительность в кривом зеркале» (Штейн, 1948, с. 25). Однако он замечает, что нельзя «отрицать стремление немцев в период царствования Александра I взять на себя миссию развития русской экономической науки. Нужно, однако, вспомнить, что... немецкая экономическая ученость не могла дать больше того, чем сама имела, а это было очень немного: немецкие экономисты начала XIX в. способны были в лучшем случае лишь *перепевать чужие мотивы* (выделено нами. — А. Д.). Эмигрировавшие (временно или навсегда) в Россию немецкие ученые в те годы невольно сами становились поклонниками русской культуры, особенно после победы России в Отечественной войне, поднявшей мировой авторитет России до небывалой высоты...» — заключал Штейн (Там же, с. 25—26). По его мнению, у Шторха проявляются как бы два лица: «Когда он обращался к общетеоретическим вопросам и выступал перед Европой, он был, наряду с Сэем, лишь одним из наиболее известных представителей того убогого течения, которое получило имя вульгарной школы. Но когда его одолевали чисто русские экономические вопросы вроде язвы крепостничества или бумажно-денежной разрухи, он не отставал от гёттингенских реформаторов» (Там же, с. 27). «Иностранцы, приезжавшие в Россию в начале XIX в., — рассуждал Штейн, — видели в Шторхе главу русской политической экономии и с удовольствием отмечали *либерализм* его суждений». Штейн отмечает, что первые шаги *академической* политической экономии в силу отсутствия в России своих кадров легко могли быть поставлены приезжими немецкими учеными под свой контроль: «Шлецер (младший) и Шторх лишь оспаривали друг у друга право на первенство в этом влиянии» (Там же, с. 28). По его мнению, негодование Шлецера, содержащееся в предисловии к его книге (Шлецер, 1821)¹ по поводу отсутствия ссылок на работу Шлецера у «некоторого автора», писавшего в России о государственном хозяйстве, относится к Шторху. «Однако эта распря за право первородства в русской политической экономии, за монополию вещания экономических истин между Шлецером и Шторхом окончилась довольно неожиданно. Русские реформаторы начала XIX в. обошлись без немецкого наследства! Шлецер и Шторх спасовали перед Балугьянским и Сперанским! Минимум теоретической выучки наши реформаторы начала XIX в., пожалуй, заимствовали главным образом у немцев, но то была, конечно, английская классическая буржуазная доктрина» (Штейн, 1948, с. 28). Хотя книга Штейна и вышла в 1948 г., когда в СССР весьма активно проводилась кампания борьбы с космополитизмом и автор вынужден был делать политические выводы, тем не менее в основном можно согласиться с выводами Штейна.

Немного внимания уделено рассмотрению воззрений Шторха в фундаментальном издании «История русской экономической мысли» (1958). Автор главы «Борьба идейных направлений в академической литературе» Ф. М. Морозов во многом ориентировался на работу И. Г. Блюмина и уделил больше внимания политическим взглядам Шторха (Морозов, 1958).

В своей фундаментальной работе по истории Академии наук СССР (1964) Н. К. Каратаев, характеризуя вклад Шторха в российскую экономическую науку, отмечал, что он «поставил перед собой задачу дать экономический обзор развития России; в его очерках экономическим темам уделялось максимальное внимание» (Каратаев, 1964, с. 228). Рассмотрев основные положения учения Шторха о вещественных и невещественных благах, Каратаев, ссылаясь на Маркса, указывал, что Шторх был, по сути дела, первым, кто выступил против смитовско-

го различия между производительным и непроизводительным трудом. Вполне естественно, что основной упор в рассмотрении творчества Шторха автор делал на критику крепостной системы в России. «Шторх, — отмечает Каратаев, — специально останавливал внимание читателя на причинах отсталости России и вполне правильно указывал, что господство крепостнических отношений являлось основной причиной, задерживающей промышленное развитие страны. Этот вывод Шторха был подхвачен и развит в трудах прогрессивных экономистов феодальной России» (Там же, с. 230). Заслугу Шторха Каратаев видел в том, что о своем отрицательном отношении к «рабскому состоянию крестьян» он говорил открыто.

А. К. Шторх и статистика

С нашей точки зрения, более пристального внимания заслуживают статистические работы Шторха. Эти работы оказались обойденными вниманием зарубежных исследователей. В России они подверглись изучению лишь в монографиях историка статистики и демографа Михаила Васильевича Птухи (1884—1961) (Птуха, 1945; 1955).

Анализу статистических работ Шторха Птуха уделяет наибольшее внимание в первом томе монографии «Очерки по истории статистики в СССР» (1955). Птуха отмечает, что первой статистической работой Шторха была изданная в Риге книга «*Gemalde von St. Petersburg*» (1794), рассчитанная больше на массового читателя. Это сочинение было выполнено в стиле государствоведения, пришедшего в Россию из Пруссии и связанного с именами Г. Кноринга, Г. Ахенваля, А. Бюшинга, А. Кроме и др. Однако, замечает Птуха, в этой работе есть места, относящиеся к политической арифметике, и в этом отношении он примыкает к академику Л. Ю. Крафту. В ней Шторх приводит большое количество статистических сведений о населении города, делая акцент на демографическом аспекте развития Петербурга.

Кроме трудов Л. Ю. Крафта, И. Ф. Германа и И. Г. Георги Шторх ссылается на прусского политического арифметика И. П. Зюсмилху в девяти томной работе «*Historisch-Statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des Achtzehnten Jahrhunderts*» (1797—1803). В этой работе Шторх произвел ряд «типичных для политических арифметиков исчислений: косвенным образом он определил число браков, рождений, смертных случаев, период удвоения населения России и т. п.» (Птуха, 1955, с. 368). В качестве исходных материалов он пользовался данными о естественном движении населения за 1793 г. по 9 епархиям и Рижской губернии. Характеризуя это сочинение, Птуха отмечал, что Шторх создал самое полное, хотя и незаконченное историко-статистическое описание России конца XVIII в.

Еще одной статистической работой Шторха был двухтомный труд «*Materialien zur Kenntniss des Russischen Reichs*» (1796, 1798). Фактически это были сборники статей по истории и статистике.

К сожалению, труды Шторха, посвященные статистическому описанию России, оборвались в начале XIX в. Как полагал Птуха, это было вызвано разными обстоятельствами: «Установка Шторха на подробнейшее историческое обозрение отдельных вопросов требовала очень много времени. Однако решающее значение в перемене отрасли специальных знаний имело избрание Шторха в члены Академии и обязанности, связанные с преподаванием политической экономии, что поставило перед ним вопрос о специальных занятиях этой наукой... Как это ни странно, — отмечал далее Птуха, — свою статистическую славу Шторх заслужил не столько своим девяти томным трудом по государствоведе-

нию, сколько подготовительной к нему работой» (Там же, с. 125). В процессе подготовки этого труда Шторх пришел к выводу, что для лучшего обозрения «государственных достопримечательностей» надо свести главные материалы в табличную форму. В результате этого появилась работа «*Statistische Übersicht der Staathalterschaften des Russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen in Tabellen*» (1795).

«Русские и иностранные государствоведы смотрели на А. К. Шторха как на ученого, в трудах которого они находили самые полные и достоверные сведения по основным вопросам статистического описания России конца XVIII и начала XIX в. Именно это наиболее ярко выражено К. Германом в его истории статистики», — заключает Птуха характеристику статистических работ Шторха (Там же, с. 288).

Подытоживая, можно согласиться с Птухой, что, с одной стороны, Шторх был государствоведом, а с другой — одним из первых политических арифметиков в России.

Заключение

Анализ работ отечественных экономистов, сделанный выше, позволяет констатировать, что политико-экономические идеи Шторха были хорошо известны в России и находили свое отражение в трудах российских ученых в XIX столетии. Особенный успех они имели в трудах представителей киевской школы в политической экономии. Это было связано прежде всего с тем, что Шторх обращал большое внимание на теорию потребления и теоретическое описание поведения отдельного индивидуума, к чему были близки представители киевской школы. Между тем прямых учеников у Шторха в России не было, во всяком случае нам не известен ни один экономист, который заявил бы себя учеником и прямым последователем Шторха. Говорить о последователях можно только применительно к статистике, где, как было отмечено, Шторх был отчасти представителем нового направления — политической арифметики в России.

В последующий период начиная с конца XIX столетия работы Шторха стали объектом историко-экономических исследований. К сожалению, в советский период со второй половины 1930-х гг. эти исследования были сильно идеологизированы, а оценки теоретических построений Шторха жестко согласовывались с оценками К. Маркса. Нам представляется весьма полезным дальнейшее изучение творческого наследия Шторха.

Источники

- Аникин А. В.* Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М., 1995.
Аникин А. В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990.
Антонович А. Я. Курс политической экономии. Лекции, читанные в Университете св. Владимира. Киев, 1886.
Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.; Л., 1940.
Бунге Н. Х. Основания политической экономии. Киев, 1870.
Бутовский А. Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб., 1847. Т. 1.
Вернадский И. В. Очерки истории политической экономии. СПб., 1858(а).
Вернадский И. В. Проспект политической экономии. СПб., 1858(б).
Глаголев А. И. Русская политическая экономия о духовном производстве: вклад школы А. К. Шторха — А. И. Бутовского // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993.
Горлов И. Начала политической экономии. СПб., 1859. Т. 1.
Дмитриев А. Л., Хованов Н. В. Речь Н. А. Полевого о невещественном капитале как пример восприятия западных экономических идей в России первой четверти XIX века // Российская и европейская экономическая мысль: опыт Санкт-Петербурга. 2005. СПб., 2006. С. 214—231.

- Дмитриев А. Л., Хованов Н. В., Мисько О. Н.* Франц Ладислав Ригер и теория невещественного капитала // Российская и европейская экономическая мысль: опыт Санкт-Петербурга. 2007—2009. СПб., 2010. С. 119—133.
- Железнов В. Я.* Очерки политической экономии. М., 1907.
- Железнов В. Я.* Шторх Генрих (Андрей Карлович) // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1932. Т. 50.
- Зибер Н. И.* Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях // *Зибер Н. И.* Избранные экономические произведения. М., 1959.
- Каратаев Н. К.* Экономические науки // История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2.
- Миллюков П.* Главные течения русской исторической мысли. 2-е изд. М., 1898. Т. 1.
- Морозов Ф. М.* Русская экономическая мысль в первые десятилетия XIX века // История русской экономической мысли. М., 1958. Т. 1. Ч. 2.
- Погодин М. Н.* И. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Т. 2.
- Птуха М. В.* Очерки по истории статистик XVII—XVIII веков. М., 1945.
- Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. М., 1955. Т. 1.
- Святловский В. В.* История экономических идей в России. Пг., 1923. Т. 1.
- Степанов Т.* Записки о политической экономии. СПб., 1844.
- Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805—1905. М., 2007.
- Шлецер Х.* Научные основания государственного хозяйства. Часть первая, содержащая народное хозяйство или науку о народном богатстве. 2-е изд. М., 1821.
- Штейн В. М.* Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948.
- Штейн В. М.* Развитие экономической мысли. Л., 1924. Т. 1.
- Шторх Андрей Карлович // Большая советская энциклопедия. М., 1933. Т. 62. Стлб. 701.
- Gelesnoff W. J.* Russland // Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart. Wien, 1927. Bd. 1.
- McGrew R. E.* Dilemmas of Development: Baron Henrich Fredrich Storch (1766—1835) on the Growth of Imperial Russia // *Jarbücher für Geschichte Osteuropas*. 1976. Bd. 24. NF. S. 31—71.
- Rentrup K.* Heinrich von Storch, das «Handbuch der Nationalwirtschaftslehre» und die Konzeption der «inneren Güter». Heidelberg, 1989.
- Schumann J.* Ansätze einer subjektivistischen Wertlehre und die Theorie der «inneren Güter» bei Henrich von Storch // Wert, Meinung, Bedeutung / Hrsg. B. P. Priddat. Marburg, 1997. S. 33—87.
- Seraphim H. J.* Neuere russische Wert- und Kapitalzinstheorien. B.; Lpz., 1925.